

В. О. НИКИШИН

КОНФЛИКТ МЕЖДУ НОРМОЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ В ЖИЗНИ РИМСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

Статья посвящена трём римским интеллектуалам и государственным деятелям — Катону Младшему, Сенеке Младшему и Плинию Младшему. В критические моменты своей жизни они оказывались в непростой ситуации выбора, когда реальная политическая обстановка находилась в противоречии с «заветами предков». Для Катона идеалом политического устройства была сенатская республика, для Сенеки и Плиния — принципат, основанный на гармоничном сотрудничестве императора и сената. Конфликт между нормой и реальностью стоил жизни Катону и Сенеке, которые покончили с собой в соответствии с традициями «стоического культа самоубийства», или *mors voluntaria*. Для Плиния аналогичный конфликт сошёл на нет с приходом к власти Антонинов. Так воплотилась в жизнь теория «наилучшего принцепса».

Ключевые слова: Катон Младший, Сенека Младший, Плиний Младший, «заветы предков», «стоический культ самоубийства», теория «наилучшего принцепса», стоическая оппозиция.

«Времена не выбирают, в них живут
и умирают»

А. С. Кушнер

Как известно, далеко не всегда реальность, в том числе реальность политическая, соответствует норме, писаной (букве закона) или неписаной (нравственному идеалу, выработанному предшествующими поколениями). Представителям интеллектуальной элиты во все времена нередко приходилось выбирать линию поведения в условиях, когда норма и реальность вопиющим образом не совпадали одна с другой. Требовалось, прежде всего, ответить на гамлетовский вопрос: «Достойно ль смиряться под ударами судьбы, иль надо оказать сопротивление и в смертной схватке с целым морем бед покончить с ними?» (пер. Б. Л. Пастернака). Порой ситуация становилась настолько напряжённой, что вопрос ставился ребром: «Быть или не быть». В истории Рима конца Республики — начала Империи можно найти немало примеров того, как по-разному люди, оказавшиеся в схожей ситуации, отвечали на вызовы той бурной эпохи, в которую им довелось жить. Героями нашего исследования являются трое *minores*: Катон Младший,

Сенека Младший и Плиний Младший, наследники славы, политической и литературной, знаменитых maiores: Катона Старшего, Сенеки Старшего и Плиния Старшего; все трое — незаурядные личности, представители римской политической и интеллектуальной элиты. Жизненный путь и нравственный выбор каждого из них по-своему поучительны и непреходящи, ибо по прошествии многих веков не потеряли своей злободневности.

Политическая жизнь в Риме в I в. до н.э. была наполнена беспринципной борьбой за власть, сопровождавшейся коррупцией и интригами. Эта неприглядная реальность оставалась бесконечно далека от тех нравственных норм римской старины («заветов предков», mores maiorum), на которых был воспитан и за которые всю свою сознательную жизнь так горячо ратовал Марк Порций Катон Младший, пытавшийся противопоставить перманентному политическому кризису собственный моральный пример, а упомянутым общественным порокам — личную честность и строгую принципиальность. Конфликт между катоновским идеалом и реальностью был неизбежен.

Катон не просто был «не таким, как все»; эту свою «инаковость» он ещё и демонстрировал, порой самым вызывающим образом. Так, блестящая образованность Катона и его любовь к греческой философии (Sall. Ep. II. 9.3; Cic. Fam. XV. 4.16; Plut. Cato Minor. 57), несомненно, вызывали раздражение у большинства его сограждан¹. Однако Катон не считал нужным скрывать своё увлечение стоицизмом и в значительной степени именно поэтому заслужил в Риме репутацию экстравагантного чудака: одевался мрачно (Plut. Cato Minor. 6), появлялся «в общественных местах босой и в тоге на голом теле» (loc. cit. Здесь и далее цит. в пер. С. П. Маркиша), а в бытность свою претором даже вершил суд в таком виде (Val. Max. III. 6.7; Plut. Cato Minor. 44). Тогу без туники Катон носил с целью продемонстрировать свою приверженность заветам седой старины [см. Кнабе, 1986, с. 90–91]. Он всегда ходил пешком, демонстративно воздерживаясь от передвижения верхом или в лектике (Plut. Cato Minor. 5; 9). Чтобы оценить по достоинству экстравагантное, вплоть до юродства, поведение Катона (сюда следует отнести также странную историю с уступкой жены оратору Кв. Гортензию Горталу (ibid. 25) [см.: Никишин, 2008, с. 132 слл.; Flacelière, 1976, p. 293 ff.]), необходимо помнить, что публичность и демонстративность в общественной жизни были традиционны для Рима [Панченко, 1990, с. 73].

Проблема заключалась в том, что демонстративное поведение Катона Младшего шло вразрез с уже давно укоренившимися в римском обществе и ставшими вполне обыденными моделями поведения, которые, по-видимому, воспринимались уже как некие неписанные нормы, хотя они зачастую противоречили пресловутым «заветам предков» (mores maiorum). Возьмём, к при-

¹ Римляне — современники Катона и Цицерона — в большинстве своём крайне негативно относились к грекам («гречишкам», Graeculi) и их «учёности» (Cic. De orat. II. 4; 153), что выражалось в насмешках и третировании «учёных» греков, равно как и их последователей из числа римских граждан (Plut. Cic. 5). Известно, что дед Цицерона говорил о римлянах, знающих греческий язык: «Кто лучше всех знает по-гречески, тот и есть величайший негодяй (ut quisque optime Graece sciret, ita esse nequissimum)» (Cic. De orat. II. 265. Пер. Ф. А. Петровского). И так думал не он один.

меру, модель поведения римских должностных лиц, особенно наместников в провинциях: алчность и стяжательство этих людей, рассматривавших делегированные им полномочия как эффективное средство беззастенчивого обогащения, не знали границ, не говоря уже об их безмерном тщеславии и жажде почестей, венков и других наград [подробнее см.: Никишин, 2006, с. 210 слл.; Гвоздева, Никишин, 2008, с. 135 слл.; Они же, 2012, с. 70 слл.]. На этом фоне Катон выглядел поистине белой вороной¹: чужой собственности он не присваивал и в хищении казённых средств замечен не был, даров не принимал, а от заслуженных наград неизменно отказывался (Plut. Cato Minor. 8; 12; 15; 39). О бескорыстии Катона свидетельствует целый ряд фактов (Vell. Pat. II. 45.5; Plut. Cato Minor. 16—18; 36; 38—39).

Катон Младший фанатично отстаивал принцип «честных выборов», выступая против традиционного «выпрашивания голосов» на форуме² и подкупа избирателей. Однако, не обладая политической гибкостью и не умея идти на компромисс, в ходе выборов он, бывало, проигрывал менее щепетильным конкурентам (Plut. Cato Minor. 49), что не могло не вредить тому делу, которое он так фанатично отстаивал. По словам С. С. Аверинцева, Катон «имел такой нрав, что не мог ни убеждать толпу, ни привлечь её к себе, и не имел в государственных делах той влияния, которая возникает от расположения граждан» [Аверинцев, 1973, с. 186]. Именно за отсутствие гибкости порицал Катона такой мастер компромисса и сторонник политической целесообразности, как Цицерон (Cic. Mur. 64 ff.).

Примером того, как гибкость Цицерона победила катоновский ригоризм, является исход процесса Мурены, состоявшегося в конце 63 г. до н.э. Л. Лициния Мурену, избранного консулом на 62 г. до н.э., Катон обвинил в подкупе избирателей. В суде Мурену наряду с Кв. Гортензием Горталом и М. Лицинием Крассом защищал Цицерон [см.: Ayers, 1953—1954, p. 245 ff.], ловко «переквалифицировавший» подкуп в проявление щедрости кандидата по отношению к согражданам: «Не следует лишать римский плебс удовольствий в виде игр, боёв гладиаторов и пиршеств — всего того, что было введено нашими предками, и у кандидатов нельзя отнимать эту возможность проявить внимание, свидетельствующее скорее о щедрости, чем о подкупе» (Cic. Mur. 77. Здесь и далее цит. в пер. В. О. Горенштейна). Главным объектом своих нападок Цицерон сделал катоновский стоицизм, который, по его мнению, лишил такого в высшей степени достойного человека, как Катон, должной гибкости и терпимости (ibid. 60 ff.). Цицерон деликатно дал понять своей аудитории, что в сознании Катона чуждая римскому образу мыслей греческая философская норма преодолела не только реалистическое восприятие действительности, но и исконно римскую норму — «заветы предков» (*mores maiorum*). В итоге Мурену оправдали, Катон проиграл [см.: Craig, 1986, p. 229 ff.; литературу по теме см.: Spahlinger, 2005, S. 107, Anm. 162—163].

Цицерон, более трезво и прагматично, нежели Катон, относившийся к окружающей его реальности, в одном из писем к Аттику констатировал, что

¹ *Corvus albus* — известная метафора Ювенала (Iuv. Sat. VII. 202).

² Сам он демонстративно отказался от услуг раба-номенклатора (Plut. Cato Minor. 8).

Катон, «с наилучшими намерениями и со своей высокой добросовестностью, иногда наносит государству вред» (Cic. Att. II. 1.8. Здесь и далее цит. в пер. В. О. Горенштейна). И пояснил: «Он (Катон. — В. Н.) высказывается так, словно находится в государстве Платона, а не среди подонков Ромула» (loc. cit.). Цицерона не устраивало то, что Катон зачастую поступал вопреки политической целесообразности, действуя «более своей стойкостью и неподкупностью, нежели продуманностью и врождённым умом» (Cic. Att. I. 18.7). Поэтому, на словах восхищаясь Катонем (Cic. Mur. 3; 58; 60; 62. Ср. Tac. Ann. IV. 34), за глаза Цицерон порицал его «за отсутствие прагматизма и упрямство» [Jones, 1970, p. 192—193]. Действительно, для Катона-политика было характерно «то отсутствие какого бы то ни было прагматизма, который составляет основу политической мудрости» [Salandra, 1955, p. 131—132].

Впрочем, даже такой фанатичный «хранитель римских устоев, твердолюбый консерватор» [Панченко, 1990, с. 75] и «вечный оппозиционер из консервативного лагеря» [Утченко, 1976, с. 90], как Катон, не всегда был последователен в своей суровой принципиальности. По словам С. Л. Утченко, «известный как непримиримый ревнитель конституционных традиций, сугубо “принципиальный” человек», Катон «на самом деле, как многие так называемые принципиальные люди, мог проявить и здравый смысл, и объективность, и даже определённое мужество, пока речь шла о том, что его лично никак не касалось» [Там же, с. 76]. Бывало, и он уступал соображениям целесообразности; случалось и ему кривить душой, нарушать закон или прибегать к различным уловкам, причём отнюдь не всегда в интересах «дела оптиматов», а порой даже из соображений личного характера! Например, осенью 63 г. до н.э., намереваясь призвать к ответу вновь избранных консулов Силана и Мурену, добившихся избрания благодаря подкупу избирателей, Катон публично поклялся привлечь к суду невзирая на лица всех виновных в этом деле (Plut. Cato Minor. 21). Однако, как пишет Плутарх, «Силану, который был женат на его сестре Сервилиии, и, следовательно, приходился ему свойственником, он сделал снисхождение и оставил его в покое, а Луция Мурену привлёк к суду за то, что тот, якобы, с помощью подкупа достиг должности вместе с Силаном» (loc. cit.). Спустя три года во время консульских выборов зять Катона, видный оптимат Марк Бибул, и его сторонники сулили избирателям деньги, причём, по словам Светония, «сам Катон не отрицал, что это совершается подкуп в интересах государства» (Suet. Iul. 19.1. Здесь и далее цит. в пер. М. Л. Гаспарова). Выступая в сенате, Катон периодически прибегал к приёму обструкции; однажды он «говорил весь день до темноты, тем самым помешав сенату принять решение» (Plut. Cato Minor. 31) [об ораторском искусстве Катона см.: Nelson, 1950, p. 65 ff.]. Во время заседания сената 5 декабря 63 г. до н.э., решившего участь катилинарцев, Катон потребовал для них смертной казни (Sall. Cat. 52). Эта мера была незаконной (казнить римских граждан без суда запрещал не один, а целый ряд законов), но оправданной с точки зрения политической целесообразности: Катон спасал республику от смертельной угрозы [см.: Padilla Arroba A., Villena Ponsoda M., 1986, p. 123 ff.].

Весной 52 г. до н.э. в обстановке нараставшей анархии он, как сообщает Плутарх, «решил, что лучше теперь, пока ещё не дошло до крайно-

сти, предоставить Помпею неограниченные полномочия волею и милостью сената и, воспользовавшись самым малым из незаконных как целительным средством ради спасения государства от величайшей опасности, сознательно ввести единовластие, а не доводить дело до того, чтобы единовластие выросло из мятежа само по себе» (Plut. Cato Minor. 47). Катон тогда поддержал инициативу Бибула, предложившего сенаторам санкционировать избрание Помпея единственным консулом, *consul sine collega* (loc. cit.). В очередной раз Катон смирился с нарушением закона в интересах политической целесообразности осенью 50 г. до н.э., когда в сенате было поставлено на голосование предложение плебейского трибуна Гая Куриона об одновременном сложении полномочий Цезарем и Помпеем. Аппиан пишет: «Когда же Курион спросил, угодно ли сенату, чтобы оба, Цезарь и Помпей, сложили свою власть, 21 человек ответил отрицательно, но 370 человек для общей пользы и чтобы избежать раздора начали склоняться к мнению Куриона. Тогда Клавдий распустил сенат...» (App. Bell. Civil. II. 30. Пер. под ред. С. А. Жебелёва и О. О. Крюгера). Плутарх утверждает, что к предложению трибуна¹ «единодушно присоединился весь сенат» (Plut. Caes. 30. Здесь и далее цит. в пер. Г. А. Стратановского и К. П. Лампсакова). Однако представителей «партии Помпея и Катона» (Т. Моммзен) решительно не устраивал такой вариант; поэтому голосование было свёрнуто, а «сенаторы разошлись и надели траурные одежды по поводу такого раздора» (loc. cit.).

В годы гражданской войны Катон, напротив, крайне щепетильно относился к соблюдению буквы закона, даже если это вредило делу республиканцев. Так, в Африке он, несмотря на уговоры соратников, передал командование «старшему по званию» — консулу Сципиону Назике (Plut. Cato Minor. 57). Хотя Сципион был бездарным военачальником, Катон не счёл возможным нарушить свои принципы. Результатом этого рокового решения стал разгром республиканцев при Тапсе. Характерно, что даже в критической ситуации Катон отказался от мысли издать указ об освобождении рабов, чтобы не нарушить священное право собственности (ibid. 60).

Итак, с юных лет Катон Младший, достойный правнук своего великого прадеда, твёрдо усвоил себе определённую систему ценностей и манеру поведения, которых он неукоснительно придерживался до самого конца. Эту поистине фанатичную приверженность усвоенным идеалам и принципам Плутарх метко назвал «одержимостью добродетели» (Plut. Cato Minor. 26). Она была одной из социальных ролей Катона, в которую тот перевоплощался охотно, по привычке и в силу убеждения, как только оказывался на форуме или переступал порог зала заседания сената. Несомненно, со временем Катон настолько сроднился и свыкся с этой ролью (сказывалось пресловутое катоновское упрямство и стремление всегда и во всём быть последовательным!), что она стала для него главной в жизни. Пожалуй, более приятной была для него роль радушного хозяина и обаятельного, остроумного собеседника. Как сообщает Плутарх, «грозный и страшный на ораторском возвышении или в сенате», в личном общении Катон слыл обходительным и приятным человеком, которому было не чуждо чувство юмора (ibid. 21;

¹ У Плутарха это предложение вносит не Гай Курион, а Марк Антоний (Plut. Caes. 30).

46). Пребывая в кругу друзей и близких, Катон позволял себе немного расслабиться и какое-то время побыть, что называется, самим собой: известно, что он был до крайности привязан к друзьям¹ и чрезвычайно чувствителен (*ibid.* 3). А потом ему приходилось вновь играть привычную роль, и далеко не всегда дело обходилось без фальши и переигрывания! Недаром Катон Младший пользовался у современников репутацией докучливого ментора и неисправимого резонёра: по свидетельству того же Плутарха, в Риме «людей испорченных и разнузданных, но любителей важных и суровых слов в насмешку звали Катонами» (*ibid.* 19).

Трагическая раздвоенность в душе этого чувствительного и ранимого человека, которого современники и потомки считали суровым и непреклонным (*Hor. Carm.* II. 1.24; *Luc.* IX. 18; *Plut. Cato Minor.* 4), а также очевидный для него разительный контраст между нормой («заветами предков», как он их понимал) и реальностью привели к тому, что Катон запил. По сведениям Плутарха, порой он пил ночи напролёт (*Plut. Cato Minor.* 6). В Риме поговаривали, что даже в суде Катон нередко появлялся, будучи навеселе (*ibid.* 44). Эти слухи враги Катона использовали с целью его дискредитации. В качестве примера можно привести Цезаря с его «Антикатоном». Примечательно, что по адресу своего заклятого врага Катон как-то заметил: «Цезарь один из всех берётся за государственный переворот трезвым» (*Suet. Iul.* 53.1). Противостоять наступлению тирании Катон не смог. Единственным приемлемым для него выходом из сложившейся ситуации, когда неприглядная реальность в виде диктатуры Цезаря окончательно взяла верх над нормой, не оставив камня на камне от идеалов Катона, был суицид — *voluntaria mors*, или *nobile letum*. В лучших традициях «стоического культа самоубийства» [Griffin, 1986, p. 68. О феномене самоубийства в Риме см.: Grisé, 1982] Катон Младший сделал свой осознанный выбор. Подобно Сократу, «чтобы отстоять себя духовно и нравственно, он пожертвовал собой физически, телесно» [Нерсисянц, 1977, с. 132].

Сенеке и Плинию Младшему в известном смысле не повезло гораздо больше, чем Катону: они жили даже не среди «подонков Ромула», а среди «подонков тех подонков». На смену олигархической сенатской республике пришёл принципат. Режим личной власти Октавиана Августа лишь отчасти напоминал монархию [Я. Ю. Межеричский довольно удачно определил принципат Августа как «республиканскую монархию». См.: Межеричский, 1994], однако уже при его ближайших преемниках монархическая тенденция в эволюции принципата обозначилась достаточно определённо и в дальнейшем неуклонно усиливалась и углублялась. Это был объективный процесс, подготовленный всем предыдущим развитием Рима, превратившегося из небольшой италийской общины в огромную средиземноморскую державу.

В I–II вв. постепенно «создавался политический климат, при котором принцепс и в собственных глазах, и для империи в целом превращался из римского магистрата в эллинистического царя-бога» [Кнабе, 1981, с. 180].

¹ Эта привязанность заканчивалась там, где начиналась его принципиальность. Ярким примером катоновского ригоризма является история с благодарственными молебнами в честь Цицерона, которых тот добивался в ознаменование своих побед в Киликии, но так и не получил (*Cic. Fam.* VIII. 11.2; XV. 4; 5.2; *Att.* VII. 1.7; 2.7).

Уже к середине I в. монархическая тенденция в эволюции принципата обозначилась вполне чётко и ясно. Игнорировать её было невозможно; представителям римской интеллектуальной элиты оставалось либо противостоять ей (стоическая оппозиция в сенате), либо, приняв её, попытаться «облагородить» режим изнутри. Так началось формирование теории «наилучшего принцепса» (*princeps optimus*), представлявшей собой синтез греческой философской мысли и римской политической традиции. Согласно этой теории, принцепс «должен быть не тираном, а гражданином, не господином, а отцом, радоваться не рабству, а свободе граждан, быть гуманным, скромным, доступным» [Штаерман, 1985, с. 70], блюсти законы и обеспечивать общественную безопасность. Активное участие в создании теории «наилучшего принцепса» приняли Луций Анней Сенека и Гай Плиний Цецилий Секунд.

Сенека не только признавал неизбежность установления единовластия (*Sen. Ben. V. 16.4*), но и видел в нём единственно возможную форму правления в масштабах огромной Римской державы (*Sen. Clem. I. 4.2*). По словам Я. Ю. Межеричко, философ «отчётливо видел, что монархия — единственное спасение для огромного государства, раздираемого социальными противоречиями, а сенат и знать уже не способны управлять им в силу изнеженности и развращённости» [Межеричкий, 1979, с. 107]. Таким образом, речь могла идти лишь о том, как усовершенствовать систему единовластия. Не предлагая никаких правовых гарантий от произвола со стороны авторитарного властителя, Сенека сосредоточился на идее морального совершенствования самого принцепса. В 56 г. он пишет трактат «О милосердии» (*De clementia*), который, по словам П. Грималья, был призван «убедить сенат, уже свыкшийся с идеей имперской власти как с необходимостью, принять в качестве монарха Нерона» [Грималь, 2003, с. 111]. В этом трактате Сенека создал красочный образ добродетельного «философа на троне», «лучшего гражданина», «первого среди равных», подлинного «отца отечества», попутно изложив своё понимание места и роли принцепса в повседневной жизни Римской державы и её многонационального населения [подробнее см.: Никишин, 2008а, с. 94 слл.].

Создавая образ идеального принцепса, правящего в согласии с сенатом, Сенека не мог игнорировать абсолютно реальную угрозу злоупотребления властью, которое неизбежно вело к нарушениям законности и возникновению тирании. Разумеется, философ безоговорочно осуждает тиранический режим (*Sen. Ben. I. 10.4; Clem. I. 25.3; 26.1—2*). По его мнению, подчиняться тирану заставляет страх — прежде всего, страх смерти; именно этот страх делает человека рабом. Страх смерти необходимо преодолеть¹. Но что же дальше? «Достоин ли смиряться под ударами судьбы, или надо оказать сопротивление?...». Как и Катон Младший, Сенека был убеждённым стоиком. Но если Катон был борцом и активно противостоял той реальности, которая противоречила усвоенной им системе ценностей, то Сенека был конформистом; он выбрал не борьбу, а смирение. По мнению Сенеки, стоик должен, преодолев страх смерти, спокойно и терпеливо носить иго тирании, от которого его освободит смерть (*Sen. Ir. III. 16*). Проникнутое фатализмом

¹ Свободу от страха смерти Сенека рассматривал как подлинную свободу (*Sen. Ep. XXIV. 10; XXVI. 10; XI. 21*).

учение Сенеки о преодолении страха смерти предоставляло и гражданам, и подданным возможность пассивного сопротивления императорскому деспотизму. Утверждая, что правители, как и обычные люди, всецело зависят от непостоянной судьбы (Sen. Ep. XCI. 15), а «царский гнев» не должен страшить разумного человека, поскольку «любой раб волен распоряжаться твоей жизнью и смертью» (Sen. Ep. IV. 8. Пер. С. А. Ошерова), Сенека внушал своим современникам мысль о том, что власть «плохих» принцепсов, таких как Тиберий или Калигула, далеко не безгранична, поэтому даже в условиях тирании приверженец стоической философии остаётся свободным. Сохранивший внутреннюю свободу человек свободен от каких бы то ни было привязанностей и готов в любой момент легко расстаться с жизнью¹.

И здесь перед мысленным взором Сенеки не мог не возникнуть образ Катона Младшего². Несомненно, Сенека искренне восхищался Катонем и, наверное, в глубине души завидовал цельности натуры этого нестигаемого стойка, позволявшего себе роскошь жить в соответствии со своими взглядами (Sen. Const. 2). Злая ирония судьбы заключается в том, что убеждённого конформиста Сенеку постиг тот же конец, что и нестигаемого борца Катона — с той лишь разницей, что Катон выбрал «благородную смерть» (*nobile letum*) осознанно и добровольно, а Сенека, как известно, был принуждён к ней Нероном. В самоубийстве Катона М. Гриффин видит «обдуманное самоубийство в стоическом вкусе, первый пример политического мученичества» [Griffin, 1986, p. 196]. Этот пример был, как никогда, актуален в последние годы правления Нерона [об «эпидемии» суицидов в сенаторской среде в этот период см.: Никишин, 2012, с. 182 слл.]. Именно в это время Сенека обращается к теме самоубийства Катона (Sen. Ep. XI. 10; XXIV. 7; XXV. 6; LXX. 25; LXXI. 10—11; LXXXII. 12). Для философа, которого в своё время П. Н. Краснов назвал «учителем смерти» [Краснов, 1895, с. 45], самоубийство стало универсальным выходом из любой непростой ситуации [Hill, 2004, p. 146—147] и просто навязчивой идеей (Sen. Ep. LXXVIII. 2). Суицидальные настроения Сенеки обычно объясняют его болезненным темпераментом, склонностью к самоубийству, а также тлетворной атмосферой двора Нерона с присущими ему тревожными ожиданиями драматической развязки [Griffin, 1976, p. 388; Sorensen, 1984, p. 198; Droge, Tabor, 1992, p. 36]. Однако отношение философа к проблеме добровольного ухода из жизни, по-видимому, было обусловлено главным образом его стоицизмом [Hill, 2004, p. 151]. Соглашательская позиция Сенеки, несомненно, запятнала его репутацию. *Voluntaria mors* философа означала его реабилитацию в глазах современников и потомков.

Плиний Младший, типичный представитель той «новой аристократии» [Hammond, 1938, p. 116], которая выдвинулась при Юлиях—Клавдиях, консерватор и традиционалист, болезненно переживавший унижение сенатор-

¹ Таким образом, для стойка проблема политической свободы теряла свою актуальность.

² Философ вспомнил о Катоне и его состоянии в 40 млн сестерциев, когда пытался убедить своих друзей и последователей в том, что истинный философ может позволить себе быть богатым человеком без какого бы то ни было ущерба для философии (Sen. Beat. XXI. 3—4).

ского сословия, не был глубоким мыслителем [ibid. P. 115]. Как и Сенеку, его отличали конформизм и «дистанционное партнёрство»¹ с авторитарной властью: в 92 г. Плиний был претором, а в 94 г. — префектом воинской казны. Однако при Домициане не обязательно было принадлежать к стоической оппозиции и открыто выражать несогласие с политическим курсом деспотичного и подозрительного императора, чтобы стать жертвой режима: последовал донос, и лишь смерть тирана спасла Плиния от расправы (Plin. Ep. VII. 27.14). Ему несказанно повезло дожить до прихода к власти Антонинов, когда, по словам Тацита, наступило то «на редкость счастливое время, когда можно думать, что хочешь, и говорить, что думаешь» (Tac. Hist. I. 1). Реальное восстановление свободы (*libertas*), под которой он понимал участие граждан в управлении государством (Plin. Paneg. 66.2—5), Плиний видел в возрождении «конституционной монархии» времён «хороших» принцевов [Hammond, 1938, p. 129]. И Тацит, и Плиний считали, что Антонины сумели совместить такие понятия, как «принципат» и «свобода» (Tac. Agr. 3.1; Plin. Paneg. 36.4).

В «Панегирике» (100 г.) Плиний, лично знавший Нерву и Траяна, ещё при жизни получившего официальный титул «лучшего императора» (*Optimus Augustus*), создал образ идеального принцепса. Он пошёл по стопам Сенеки, с той лишь разницей, что идеал Сенеки разошёлся с реальностью, и этот конфликт разрешился гибелью блестящего интеллектуала и философа-стоика, тогда как Плинию повезло больше: ему осталось только констатировать полное тождество нормы и реальности, т.е. образа идеального принцепса и принципата Траяна. Власть последнего абсолютна и имеет божественное происхождение (Plin. Paneg. 1.3—5; 4.4; 80.3—5), однако Траян добровольно признал над собой верховенство закона (ibid. 65). Отныне принцепс — не только в теории, но и в реальности — не бог, не царь и не тиран, а гражданин и «отец отечества», радеющий об «общем благе» (ibid. 2.3—4; 7.1. Ср.: Plin. Ep. X. 58.7). Имея в виду пример Траяна, к которому он обращается в «Панегирике», Плиний констатирует, что «принцепсу надлежит быть как можно более подобным частному лицу» (Plin. Paneg. 59.6. Пер. В. С. Соколова. Ср. ibid. 63.6). Соответственно, «наилучший принцепс» соблюдает законность, обеспечивает благополучие, безопасность и «свободу» граждан (ibid. 8.1; 27.1—2; 34.1—5; 36.1—4; 67). «Ахиллесовой пятой» теории «наилучшего принцепса», как и во времена Сенеки, являлось то обстоятельство, что границы пресловутой «свободы» (*libertas*) определялись самим принцепсом, и здесь можно было рассчитывать лишь на его добрую волю. Отсюда с неизбежностью вытекала идея разумного самоограничения верховной власти; в противном случае принципат рисковал превратиться в тиранию (*dominatio*) (ibid. 45.3). Впрочем, принципату Траяна эта опасность не грозила; недаром Плиний восхваляет императора за его личную скром-

¹ Речь идёт о стремлении найти способ сосуществования с авторитарным режимом при сохранении определённой степени личной независимости. Вероятно, и Сенека, и Плиний Младший согласились бы с Тацитом, полагавшим, что оптимальная линия поведения «порядочного человека» в условиях единовластия заключается в том, чтобы «идти прямым и безопасным путём где-то посередине между непримиримой непреклонностью и низкой угодливостью» (Tac. Ann. IV. 20. Пер. А. С. Бобовича под ред. Я. М. Боровского).

ность и равнодушие к официальным почестям (*ibid.* 10.3; 54–55; 58.5), а также за то, что тот не считает империю своей собственностью (*ibid.* 50) и правит в согласии с сенатом (*ibid.* 62.3–6).

Итак, все наши герои — Катон, Сенека и Плиний — в критические, поворотные моменты своей жизни оказывались в крайне непростой ситуации выбора, когда реальная политическая обстановка разительно отличалась от той нормы, которую вырабатывало и которой руководствовалось сенаторское сословие в повседневной жизни: в эпоху Катона Младшего это была сенатская республика времён Сципиона Старшего и Катона Цензора, во времена Сенеки и Плиния Младшего — идеальный «сбалансированный» принципат, основанный на гармоничном сотрудничестве «первого гражданина», сознательно идущего на ограничение своей власти, и сената. Конфликт, возникавший в результате несоответствия нормы и реальности, мог разрешиться по-разному. Так, не желая мириться с надвигавшейся тиранией и быть «великодушно» помилованным тем самым Цезарем, которого он считал тираном, грубо поправшим римскую свободу (*Plut. Cato Minor.* 64; 66; 72), Катон Младший покончил с собой.

Сенека, напротив, не только смирился с режимом, но и сотрудничал с ним (последние годы правления Клавдия и первая половина принципата Нерона); обстоятельства сложились таким образом, что для Сенеки выходом из создавшейся ситуации стал суицид по принуждению. Наконец, в жизни Плиния Младшего, который, подобно конформисту Сенеке, успешно адаптировался к условиям деспотического режима и даже сделал в этих условиях неплохую карьеру, конфликт как таковой проявился в 96 г., когда вследствие доноса для Плиния всё могло закончиться, как и для Сенеки, принуждением к *mors voluntaria*. Однако Плинию повезло: Домициана убили, к власти пришли Антонины, и конфликт между нормой и реальностью сам собою сошёл на нет. *Fata volentem ducunt, volentem trahunt...*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Аверинцев С. С.* (1973) Плутарх и античная биография: к вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М.: «Наука», 283 с.
2. *Гвоздева И. А., Никишин В. О.* (2008) Римские граждане и чужеземцы в «имперском мышлении» и классическом праве Древнего Рима // *Известия Смоленского государственного университета.* №4. Смоленск, с. 132–149.
3. *Гвоздева И. А., Никишин В. О.* (2012) Древний Рим и Великая Россия: ещё раз об имперском мышлении и причинах стабильности великих держав // *Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа.* Вып. 3–4. Н. Новгород, с. 66–81.
4. *Грималь П.* (2003) Сенека, или Совесть Империи. М.: «Молодая Гвардия», 350 с.
5. *Кнабе Г. С.* (1981) Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М.: «Наука», 208 с.
6. *Кнабе Г. С.* (1986) Древний Рим — история и повседневность. М.: «Искусство», 103 с.
7. *Краснов П. Н.* (1895) Л. А. Сенека, его жизнь и философская деятельность. СПб.: Типография Высочайше утверждённого товарищества «Общественная польза», 80 с.
8. *Межеричукский Я. Ю.* (1979) Принципат Юлиев—Клавдиев в произведениях Сенеки // *Из истории античного общества.* Горький, с. 95–109.

9. *Межерский Я. Ю.* (1994) «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.—Калуга: Издательство КГПУ, 442 с.
10. *Нерсесянц В. С.* (1977) Сократ. М.: «Наука», 151 с.
11. *Никишин В. О.* (2006) Право и бесправие: взаимоотношения римлян и их подданных в эпоху поздней Республики и ранней Империи // История древних цивилизаций. Государство и право Древнего Рима. Вып. 1 / Под общ. ред. В. И. Кузищина. Н. Новгород, с. 198–212.
12. *Никишин В. О.* (2008) Катон Утический: хранитель устоев и нарушитель традиций // *Studia historica*. Вып. VIII. М., с. 123–138.
13. *Никишин В. О.* (2008а) Императоры, граждане и подданные в эпоху принципата: идеал и реальность // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М., с. 81–103.
14. *Никишин В. О.* (2012) Феномен *mors Romana* в период принципата Юлиев-Клавдиев // Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 2. Сборник научных трудов XVII Сергеевских чтений / Труды исторического факультета МГУ. Вып. 55. Сер. II. Исторические исследования. № 20. М., с. 182–188.
15. *Панченко Д. В.* (1990) Римские моралисты и имморалисты на исходе республики // Человек и культура: индивидуальность в истории культуры. М., с. 73–80.
16. *Утченко С. Л.* (1976) Юлий Цезарь. М.: «Мысль», 365 с.
17. *Штаерман Е. М.* (1985) От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. Т. 1. М., с. 22–105.
18. *Ayers D. M.* (1953—1954) Cato's speech against Murena // *CJ*. 49. P. 245–253.
19. *Craig C. P.* (1986) Cato's Stoicism and the Understanding of Cicero's Speech for Murena // *TAPhA*. 116. P. 229–239.
20. *Droge A., Tabor J.* (1992) *A Noble Death. Suicide and Martyrdom Among Christians and Jews in Antiquity*. San Francisco: Harper San Francisco, 203 p.
21. *Flacelière R.* (1976) Caton d'Utique et les femmes // *L'Italie préromaine et la Rome républicaine. Mélanges offerts à J. Heurgon*. Vol. I. Rome, P. 293–302.
22. *Griffin M.* (1976) *Seneca. A Philosopher in Politics*. Oxford: Clarendon Press, 504 p.
23. *Griffin M.* (1986) Philosophy, Cato, and Roman suicide // *G & R*. 33. P. 64–77, 192–202.
24. *Grisé Y.* (1982) *Le Suicide dans la Rome antique*. Montreal—Paris: Bellarmin—Les Belles Lettres, 328 p.
25. *Hammond M.* (1938) Pliny the Younger's Views on Government // *HSCPh*. 49. P. 115–140.
26. *Hill T. D.* (2004) *Ambitiosa Mors. Suicide and Self in Roman Thought and Literature*. N.Y.—L.: Routledge, 335 p.
27. *Jones C. P.* (1970) Cicero's Cato // *RMPH*. 113. P. 188–196.
28. *Nelson H.* (1950) Cato the Younger as a stoic orator // *CW*. 44. P. 65–69.
29. *Padilla Arroba A., Villena Ponsoda M.* (1986) El discurso de Catón en la conjuración de Catilina de Salustio // *EFG*. II. P. 123–127.
30. *Salandra A.* (1955) Catone Uticense // *NRS*. 39. P. 118–132.
31. *Sørensen V.* (1984) *Seneca. The Humanist at the Court of Nero*. Edinburgh: Canongate, 352 p.
32. *Spahlinger L.* (2005) *Tulliana simplicitas. Zu Form und Funktion des Zitats in den philosophischen Dialogen Ciceros*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 360 S.

Поступила в редакцию 15.05.2014